

**О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА
ДРЕВНЕГО КАВКАЗА
VI—IV тыс. до н. э.**

Доктор ист. наук. К. Х. КУШНАРЕВА (Ленинград)

Реконструкция социальных структур древних обществ—одна из наиболее сложных проблем исторической науки. Для ее освещения, хотя бы в первом приближении, только археологической базы явно недостаточно. При использовании данных археологии необходимо привлечение функционально различных категорий памятников (поселения, могильники, очаги производства, культовые места и др.); одновременно следует учитывать характер информации, которую несет каждая из них, а также их специфику в разных регионах и на разных этапах исторического развития.

Наиболее существенный вклад в разработку названной проблемы вносит этнография; однако этнографические данные требуют крайне осторожной интерпретации в силу большого разнообразия форм и общественных организаций у различных древних и современных сопоставляемых народов. Пережиточные явления желательнее привлекать из той же этнической среды или того же региона с поправками на время, общий прогресс, возможные этнические передвижения, исторические инновации и пр. Не менее осторожно следует использовать данные современных народов, живущих первобытнообщинным строем—здесь особенно существенным представляется учет экологической обстановки, предопределивший ту или иную форму хозяйства, а также стадиальное совмещение сравниваемых обществ. Следует учитывать и то обстоятельство, что данные, полученные при изучении одних народов, не могут иметь глобальный характер.

Исследование поселений как наиболее информативного объекта социологического исследования породило обширную литературу. На Западе это направление получило название «поселенческой археологии». В нашей стране к этой проблеме повысился интерес лишь сравнительно недавно, что выразилось в проведении ряда тематических симпозиумов, выходе отдельных статей и монографий.

Социальные проблемы в равной степени ставятся и на материалах могильников. Особенности погребального обряда отражают черты хозяйства, быта, социального и духовного склада древних обществ. Они обусловлены названными аспектами их жизни; вместе с тем, эта обусловленность всегда требует определенной корреляции.

В кавказоведческой археологической литературе вопросам социальных отношений почти не уделяется внимания. Имеющиеся наблюдения носят фрагментарный характер и выражаются, за редким исключением, в общих суждениях о дифференциации населения того или иного периода, основанных, как правило, на материалах погребений. Широко развернувшиеся в последние десятилетия исследования поселений и стоянок Кавказа внесли в проблему новую информацию. Однако в целом источниковедческая база для ее освещения недостаточно информативна. Таким образом, исследователь может сде-

лать лишь некоторые допущения о существовании тех или иных элементов древних социальных структур, но отнюдь не системы в целом.

Социальные последствия «неолитической революции» в археологических материалах реализуются более ощутимо, чем в предшествующий период господства присваивающих форм хозяйства. С переходом к земледелию и скотоводству во всех областях Старого Света появляются стационарные поселения с искусственными жилищами, рассчитанные на постоянное обитание. Тип поселений обуславливался природно-климатическим окружением, наличием технических традиций, характером строительного материала и пр.

Самые ранние земледельческие поселения Передней и Средней Азии отличаются плотной застройкой; размеры поселений колеблются в пределах 0,1—2,5 га. С прогрессом земледельческого хозяйства формируется и иерархия поселений; это хорошо видно по памятникам юга Туркмении, где намечаются три типа поселений: 0,1—2 га, 4—12 га, более 20 га¹. Последнее десятилетие ознаменовалось открытием десятков раннеземледельческих поселений на равнинах Закавказья. Для них характерна та же плотная застройка, близкий набор бытовых изделий. Это позволяет рассматривать Закавказье VI—IV тыс. до н. э. как часть обширной культурно-исторической ойкумены.

Почти все закавказские поселения исследованы частично, что ограничивает их информативность в плане социальных реконструкций. Однако повторяемость размеров и планировки некоторых из них позволяет сделать некоторые выводы. Погребения этого периода—второй информативный источник—исследованы недостаточно. Структурный анализ этих объектов, направленный на выявление социальных группировок, до сих пор фактически не предпринимался.

Единственным полностью раскопанным памятником рассматриваемого времени является поселение Чох². Оно отличается от многочисленных равнинных поселений своей ранней датой (рубеж VII—VI тыс. до н. э.), расположением в горной зоне и характером архитектурно-строительного комплекса; поселение фиксирует момент завершения перехода к земледелию и скотоводству. Чох находится в высокогорном Дагестане, на верхней террасе глубокого ущелья. Материалы поселения всесторонне интерпретированы его последним исследователем Х. А. Амирхановым.

Площадь, занимаемая поселением, составляла около 800 кв. м; таким образом, это было маленькое поселение горского типа. Оно состояло из двух просторных однокамерных круглых жилищ архаичного облика; одно из них, исследованное полностью, имело площадь 60 кв. м; есть основание считать, что второе имело приблизительно такие же размеры. В центре каждого жилища находился стационарный каменный очаг, что указывает, наряду с отсутствием какого бы то ни было членения жилищ, на общее хозяйство проживавших здесь людей. Экономическое единство обитателей одноочажных жилищ нашло впоследствии отражение в лексике дагестанских горцев, у которых слово «очаг» употребляется в значении «дом», «семья», «хозяйство», а эти понятия, в свою очередь, передаются словом, означающим «зажигание огня»³.

¹ Энеолит СССР (Археология СССР), М., 1982, с. 15.

² В. Г. Котович, Чохская стоянка—первый памятник каменного века в горном Дагестане.—Ученые записки Института истории, языка и литературы ДагФАН СССР, т. 3, 1957; Х. А. Амирханов, Чохское поселение, М., 1987.

³ А. И. Исламмагомедов, Поселения. Жилища.—Материальная культура аварцев, Махачкала, 1967, с. 169.

Внушительные размеры жилищ, а также массивные каменные стены, для сооружения которых, при отсутствии строительных навыков и низкой технике, потребовались значительные трудозатраты, позволяют представить себе, что их постройка осуществлялась достаточно большим коллективом; предполагать, что каждое из жилищ строила для себя малая семья, состоявшая, судя по этнографическим и письменным данным, из 4—8 человек⁴, нет оснований. Малая семья не являлась самостоятельной экономической единицей первобытно-общинного строя на рассматриваемом этапе его развития. Высказано предположение, что в каждом жилище проживало по шесть малых семей, составлявших семейную общину или большую семью. За основу такого вывода взято понятие «наименьшее жилое пространство» (необходимое для малой семьи), введенное в науку в результате изучения верхнепалеолитических жилищ Русской равнины⁵. При этом была сделана логическая поправка на увеличение «наименьшего жилого пространства» в условиях перехода к прочной оседлости и производящей экономике; оно приблизительно регламентируется площадью среднего дома эполитических поселений Закавказья (10 кв. м), предназначенных для проживания малых семей. Таким образом, если исходить из наименьшего, из принятых в этнографии, состава малой семьи (4 человека), в каждом чохском доме проживало около 25 чел.; тогда все население Чоха должно было составлять примерно 50 человек. Таковы выводы Х. А. Амирханова⁶. В своих расчетах он опирался на минимальное (из допустимых) количество членов малой семьи (4 чел.). Если же за точку отсчета взять ее средний или максимальный состав (8 чел.), то число малых семей, проживавших в Чохе, должно быть уменьшено.

Открытие раннеземледельческой культуры на Кавказе, у истоков которой находится Чохское поселение, значительно удревнило предположительное время формирования семейно-общинного уклада; еще оравнительно недавно самая ранняя семейная община на Кавказе, из-за отсутствия более древних памятников, была отнесена к III тыс. до н. э.⁷

Чох является наиболее ранним поселением горского типа, развитие которого отразилось в многовековой строительно-архитектурной традиции горного Кавказа. Среди ныне бытующих в горах Дагестана традиционных форм жилищ примечательны большие однокамерные постройки, расценивающиеся этнографами как древнейшие в эволюции домостроительства⁸. Такие дома в своем первоначальном назначении связывались с большесемейным или семейно-общинным укладом жизни. Семейная община в прошлом Дагестана являлась одним из элементов социальной структуры и изначально связывалась с большим однокамерным домом. Существенно, что в некоторых даге-

⁴ Х. А. Амирханов. Указ. соч., с. 111; И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 20.

⁵ М. И. Гладких. Малые жилища в позднем палеолите Восточной Европы.— Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1978, с. 21.

⁶ Х. А. Амирханов. Указ. соч., с. 111.

⁷ Э. Т. Карапетян. Семейная община и патронимия у армян.— Автореф. докт. дис., Тбилиси, 1967, с. 31.

⁸ А. И. Исламгагомедов. Указ. соч., с. 50; С. С. Агаширнова. Материальная культура лезгин. Махачкала, 1978, с. 162; Х. А. Амирханов. Указ. соч. с. 100.

станских языках сохранился термин родства—«люди одного дома», подразумевающий иной, более узкий круг, чем в родовой общине.

Как будет показано ниже, на рассматриваемом нами отрезке времени основной ячейкой общества была семейная община. Община являлась основным социальным организмом всей первобытной действительности; предполагается, что в своем развитии она прошла три последовательных этапа—родовая, семенная, соседская. Вместе с тем такое членение отнюдь не отражает всего многообразия древних общинных институтов⁹. Этнографы утверждают, что семейная община составляла локальную часть рода, а не род в целом¹⁰, т. к. род был экзогамен. Семейная община является объединением родственных семей, представляющих минимум два рода; в отличие от рода—объединения кровных родственников, община состоит из семей и основывается на кровном родстве, свойстве и родственных связях¹¹. Такова принимаемая нами трактовка этой социальной ячейки первобытного общества. Однако она далеко не однозначна, что зависит, главным образом, от структурного разнообразия общин ранних земледельцев и скотоводов.

Исследователи рассматривают семейную общину как единый экономический организм. «Хозяйственная сущность ее заключается в общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном же потреблении. Эта хозяйственная сущность большой семьи составляет естественное основание и ее общественной функции»¹². Такая община была более стабильна по сравнению с кровной общиной охотников и собирателей, где довела постоянная необходимость сезонного распада ее членов на отдельные группы. Число членов общины зависит от различных факторов; у мотыжных земледельцев 100—200 человек. Община никогда состоит из 350—400 человек¹³. Таким образом, чохская община была относительно небольшой.

Горных поселений типа Чоха—мест проживания одной маленькой раннеземледельческой общины—на Кавказе мы пока не знаем. Их существование в прошлом не вызывает сомнения, ибо процесс перехода к производящей экономике в разных регионах (в том числе на Кавказе) протекал в горных субтропиках, где для этого существовали оптимальные экологические условия¹⁴; на Кавказе это блестяще подтверждает факт открытия Чоха. Социально близкими этому поселению можно считать небольшие поселки типа Джситуна, на

⁹ С. В. Маретина. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980, с. 23.

¹⁰ Н. А. Бутин. Первобытный строй.—Проблемы истории докапиталистических обществ (далее: ПИДО). Кн. I, 1968, с. 143; Л. В. Данилова. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ.—ПИДО. Кн. I, 1968, с. 33; Ю. П. Аверкиев. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 196.

¹¹ В. Р. Кабо. Первобытная доземледельческая община. М., 1968, с. 10.

¹² М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 6.

¹³ Там же, с. 71; В. М. Вахта. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.—ПИДО, Кн. I, с. 298.

¹⁴ Н. И. Вавилов. Проблемы происхождения земледелия в свете современных исследований.—Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники. Лондон, 1932, с. 12.

которых проживало примерно 60—100 человек¹⁵. Они функционировали по всему Переднему Востоку.

Многочисленные степные и равнинные энеолитические поселения Закавказья V—IV тыс. предоставляют убедительные материалы для констатации общинного уклада жизни их обитателей. Они были маленькими (пл. 0,5—1 га) и располагались группами, что можно толковать скорее всего как результат сегментации разросшихся первоначальных общин: «Как только число членов общины превышает то, которое необходимо для выполнения максимальной хозяйственной функции, так вскоре от общины отделяется значительная часть ее членов. Они уходят в другое место и образуют начало новой общины»¹⁶. Примеры отпочкования поселений прослеживаются, в частности, на археологических материалах Кавказа.

По сравнению с двумя нерасчлененными жилищами Чоха, застройка южнокавказских равнинных поселений (при сохранении основной планировочной единицы—круглого дома) представляется значительно более дифференцированной. Здесь наблюдается ряд новшеств в плане усложнения и членения жилищно-хозяйственного комплекса, усовершенствования интерьера домов, использования нового строительного материала (глина), новой техники. Жилье и хозяйственные постройки обычно составляют взаимосвязанный комплекс, включающий дом, дворик, помещения и ямы для хранения продуктов, наружные очаги¹⁷. На всех поселениях основной застроечной единицей являлись круглые дома, имевшие площадь в среднем 10 кв. м; не вызывает сомнения, что здесь проживали отдельные семьи. Дома были однотипные, внутреннее пространство не дифференцировано. Таким образом, по сравнению с нерасчлененными чохскими жилищами, бытовые условия населения значительно улучшились, что следует поставить в прямую связь с повышением уровня производительных сил за прошедшие 1000—1500 лет. Это сказалось и на всем комплексе материальной культуры.

При раскопках поселения Шулаверисгора было обращено внимание на тенденцию к объединению небольших однокамерных домиков в многокомнатные; четкой планировки здесь еще не наблюдается, комплексы объединяются как бы стихийно¹⁸. На Имирисгора—более четкая планировка; здесь в разных горизонтах открыты группы домов, лепящихся вокруг небольших площадей, и огражденных вместе с двориками и подсобными помещениями криволинейными стенами¹⁹. Это уже как бы вычлененные многокомнатные дома, включавшие в себя жилые и хозяйственные помещения. На Аликемектепеси несколько домов разместилось вокруг десяти кладовых, они были связаны между собой дуговой стеной²⁰. Расположение домов груп-

¹⁵ В. М. Массон. Поселение Джейтун.—Материалы и исследования по археологии СССР, 1971, № 180, с. 102.

¹⁶ Н. А. Бутников. Разделение труда в первобытном обществе.—Труды института этнографии (далее: ТИЭ), т. 65.

¹⁷ Энеолит СССР (Археология СССР). М., 1982, табл. 8.

¹⁸ А. И. Джавахишвили. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973, с. 212.

¹⁹ Там же, с. 37; Ю. К. Амирджанов. Опыт реконструкции древнего многослойного поселения Имирисгора.—IV Международный симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1983, с. 2.

²⁰ Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов. Поселение Аликемектепеси.—Археологические открытия, 1974.

пами прослеживается также на поселениях Техут, Кюльтепе, Иланлытепе.

Тенденцию к группировке отдельных жилищ в многоквартирные дома следует трактовать как показатель объединения малых семей в большие с единым хозяйственным укладом; иного объяснения такая планировка не находит. Таким образом, семейно-общинный уклад, прослеженный в Чохе, фиксируется и памятниками V—IV тыс. до н. э. Вычленение отдельных домов малых семей, не наблюдавшееся в Чохе, вероятно следует объяснить особенностями структуры самих общин: мы уже говорили, что община в своих формопроявлениях весьма многообразна. Нельзя также сбрасывать со счетов и разницу в экологических условиях: в Чохе, где климат был более суровым, чем на равнинах Закавказья, вероятно существовала тенденция к скученному проживанию; кроме того, постройка каменных сооружений требовала значительно больших трудозатрат, нежели возведение глиняных строений.

Прогресс земледелия и скотоводства повлек за собой резкое увеличение численности населения. Разрасталась и главная социально-экономическая ячейка—семейная община. Любопытно в этом плане подсчеты численности жителей закавказских энеолитических поселков и групп поселений, обосновавшихся в отдельных оазисах. Разумеется, они носят условный характер. Напомним, что в Шулаверском оазисе обосновалось 4 поселения. Исходя из ориентировочного количества домиков на поселении Шулаверисгора и принимая численность малой семьи в 4—8 человек, было подсчитано, что общее число жителей на Шулаверисгоре в среднем достигало 400—500 человек, на Имирисгоре—300 человек, а на двух остальных поселениях оазиса—Дангреулисгора и Гадачрлигора проживало по 200—250 человек²¹. В какой-то период в оазисе проживало около 1200 человек. Исходя из численности общин мотыжных земледельцев, можно допустить, что каждое поселение было местом обитания одной большесемейной общины.

Сравнительный анализ строительных горизонтов Шулаверисгора и Имирисгора показывает, что последнее, так же как и два других поселения оазиса, отпочковалось от первого. Ярким примером такого расселения является также геоксюрская группа древних поселений в Туркмении²². Вероятно, такая ситуация отражает процессы сегментации большесемейных общин и образования патронимических группировок²³. «Уровень развития производственных сил, присущий патриархально-родовому строю, сдерживает размер семейной общины. Естественной размножаясь, эта община время от времени сегментируется, распадается на ряд таких же, но меньших по размеру семейных общин, которые со временем, в свою очередь разросшись, таким же порядком сегментируются. Происшедшие от одной большой семьи новые семьи сохраняют в некоторых отношениях известную общность и представляют собой особую, также свойственную патриархально-родовому строю, родственную группу, которую мы называем патронимией»²⁴. Пережиточные формы патронимических отношений

²¹ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971.

²² И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений, Л., 1964, с. 133.

²³ И. Н. Хлопин. Сегментация в истории первобытного общества.—Вопросы истории, 1968, № 8; М. О. Косвен. Распад родового строя у удмуртов.—Ученые доклады института народов Северо-Востока. Вып. 2, 1931.

²⁴ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 6.

были крайне стойкими на Кавказе—в среде армян, грузин, осетин, адыгов и ряда других народов еще в начале XX в.²⁵ В горных районах Восточной и Западной Армении, в частности, до недавнего времени сохранялась наиболее архаичная форма патронимических (азговых—арм.) поселений в виде самостоятельных поселков, образовавшихся в результате сегментации семейной общины²⁶. В архаичном прошлом патронимии, по-видимому, как правило, составляли отдельные селения, либо группу отдельных поселков, что чрезвычайно важно для понимания социального аспекта древних памятников; патронимии, отделившиеся от первоначальной семейной общины, расселялись иногда на тех же поселениях. Таким образом, обитатели групп древних поселений были родственными по своему составу.

Большесемейная община, возникшая на ранних этапах развития производящего хозяйства, была наиболее жизненной социально-экономической ячейкой; она наилучшим образом реализовывала хозяйственную функцию и, в силу относительной немногочисленности, была сравнительно легко управляемой. Судя по многокомнатным домам, зафиксированным на ряде поселений Передней и Средней Азии (Умм Дабагия, Тель Сотто, Хассуна, Джейтун, Намазга и др.), повсюду люди жили семейно-общинным укладом²⁷.

Община имела общее хозяйство—посевные участки, пастбища, охотничьи угодья, мастерские, хранилища и являла собой таким образом пример «общества, основанного на общей собственности»²⁸. Труд был коллективным, результаты труда уравнительными²⁹. Община «одновременно и хозяйственный и семейно-бытовой и идеологический коллектив»³⁰. Все члены общины осознают свои родственные узы. Община брала на себя функцию защиты каждого своего члена.

Коллективное землевладение—основа общинного уклада жизни, как пережиточная форма хозяйствования была характерна, в частности, для кавказских горских народов в период дотеррасного земледелия и сохранилась на Кавказе кое-где и поныне³¹. Как известно, самые ранние террасы на Кавказе приурочены к III тыс. до н. э.³²

На посемейное распределение продуктов питания из общественного фонда указывают ямы и емкости для их хранения в жилых и хозяйственных помещениях кавказских поселений V—IV тыс. до н. э. Так, девять хозяйственных построек, вокруг которых разместились жилые помещения, обнаружены на поселении Аликемектепеси. Скопле-

²⁵ М. О. Косвен. Исследования и материалы по исторической этнографии и истории Кавказа. М., 1961, с. 32—42 и др.

²⁶ Э. Т. Карапетян. Указ. соч., с. 29.

²⁷ Е. В. Антонова. Культура ранних земледельцев Передней и Средней Азии.—Автореф. докт. дис. М., 1988.

²⁸ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич (3-й набросок).—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 419.

²⁹ А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории.—ТИЭ, т. 4, М.—Л., 1960, с. 12; Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы экономической антропологии.—Этнологические исследования за рубежом. М., 1973, с. 68.

³⁰ Л. В. Данилова. Указ. соч., с. 59.

³¹ М. А. Агларов. Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев.—Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974, с. 67.

³² В. М. Котович. Верхнегуньбское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.

ние ям-хранилищ открыто на незастроенном участке Техута; так же как и джейтунские зернохранилища их можно трактовать как принадлежащие большим семьям или патронимиям.

Сопоставление интерьеров жилищ кавказских поселений и их производственного инвентаря свидетельствует о равном положении общинников³³; на всех поселениях мы встречаем монотонную застройку небольшими домами с их примитивным убранством; ни один комплекс не выделялся особой обстановкой. По-видимому, процесс накопления прибавочного продукта на этом этапе производящего хозяйства только начинался, что нашло свое слабое отражение в погребальных комплексах. В целом погребения этого времени демонстрируют ту же ситуацию равенства.

Сегодня известен один могильник на поселении Кюльтепе с девятью погребениями из различных горизонтов Аликемектепеси³⁴. Единичные захоронения на других памятниках маловыразительны. Подавляющее большинство захоронений одиночные, взрослые. Отсутствие половозрастных определений лишает возможности выявить связь между группами покойных и категориями погребального инвентаря. Среди последнего на Кюльтепе преобладают бусы (в 21 погребении из 31, причем в 3-х количество бус было 496, 392 и 314) и обсидиановые пластинки (в 12 из 34). Из 85 погребений здесь только в 31 (36,5%) находились сопровождающие предметы. Остальные 54 (63,5%) были безинвентарными, что позволяет причислить их, согласно принятой для общества с подобным уровнем развития традиции³⁵, к категории бедных. Любопытно, что это соотношение совпадает с данными синхронных могильников Малой Азии, где лишь в 35% погребений находился сопровождающий инвентарь³⁶.

В двух случаях на Кюльтепе покойников сопровождали наперстки булавы и максимальное (4) количество типов вещей. Остальные 27 погребений с инвентарем от 1 до 3 типов следует квалифицировать как стандартные, причем среди них преобладали погребения с одним предметом (17), среднее их число имело два типа вещей (7) и наименьшее — по 3. Во всех погребениях Аликемектепеси кроме одного сосуда ничего не обнаружено. Иными словами, согласно принятой номенклатуре большинство стандартных погребений приближалось к категории бедных, нежели богатых (в последних количество типов доходило до 7, что ни в одном энеолитическом погребении Закавказья не зафиксировано). Незначительные вариации инвентаря отражают, скорее всего, существование половозрастных групп. Сам же факт появления

³³ В литературе высказана точка зрения, что община в этот период была уже расчленена на экономически обособленные малые семьи и что, тем самым, кавказские раннеземледельческие поселения отражают процесс распада общины (Г. М. Миндиашвили. К изучению социальной структуры общества куро-аракской культуры. — *Мадне*, Тбилиси, 1983, № 1, с. 182). Нам представляется, что на рассматриваемой стадии развития общества принцип коллективизма и равенства был еще его основой; на это указывают характер застройки поселений, однотипное убранство домов, а также погребения без явных признаков дифференциации.

³⁴ А. О. Абибуллаев. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982, с. 76; И. Г. Нариманов. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987, с. 57.

³⁵ В. А. Алексин. Социальная структура и погребальный обряд древних обществ. Л., 1986.

³⁶ В. А. Алексин. Могильники эпохи бронзы Малой Азии. — *Археология зарубежной Азии*. Л., 1985; Он же. Социальная структура..., с. 25.

в могилах единичных вещей можно рассматривать как первые шаги в накоплении кюльтепинской общиной прибавочного продукта, который она имела возможность отторгнуть в пользу умерших сородичей. По-видимому, в могилы клали личные вещи покойных, использовавшиеся ими при жизни в общих интересах; они не являются показателем экономической независимости их владельцев, что хорошо коррелируется с данными этнографии.

Земледельческая община, как сложный хозяйственный организм, требовала осуществления управленческих функций, которые на ранних этапах производящего хозяйства в условиях полного социального равенства находились в руках глав или старейшин и советов старейшин. Этнографические примеры указывают на основные черты их статуса, хотя в различных обществах он был далеко не одинаковым. Это были старшие, наиболее уважаемые члены общины, имевшие высший авторитет в коллективе. При их избрании играли роль их личные качества, половозрастные признаки и ряд других распределяющих факторов³⁷. Экономических преимуществ у них не было. В их функции входило распределение производственных заданий, надзор за их выполнением, руководство по проведению сезонных хозяйственных циклов, сооружению ирригационных устройств, регулирование внутриобщинного и межобщинного обмена, принятие мер в случае опасности, разрешение конфликтов, отправление культов. Иными словами, в обязанности избранников народа входило обеспечение благополучия общины. Наблюдения этнографов показывают, что такие начальные формы стратификации, бытовавшие в недрах экономически не расчлененной общины, отражали на первых порах только социальное (а не имущественное) положение этих предводителей. Главы или старейшины на этом этапе считались «первыми среди равных» (*primus inter pares*).

Согласно статусу, эти лица имели знаки отличия—символы власти, принадлежавшие им лично и сопровождавшие их после смерти³⁸. Последнее находит подтверждение при исследовании древних захоронений, отмеченных особыми знаками отличия; с такими символами хоронили как мужчин, так и женщин. Так, некоторые погребения анауской культуры отмечены женскими статуэтками³⁹; под полом одного из домов Чатал Гуюка была захоронена женщина с булавой⁴⁰, в святилище же поселения хоронили жрицу с обсидиановыми зеркалами, а жрецов с костяными пряжками поясов⁴¹. Подобных примеров можно привести много. На бытование на Кавказе аналогичного явления указывают два захоронения (35 и 71) из Кюльтепинского могильника, сопровождаемые навершиями булав; к сожалению, они не имеют половозрастных определений. «Редкая частота встречаемости некоторых специфических изделий из недорогих материалов (навершия булав, статуэтки, жезлы, печати) не означают их высокой стоимости, а служат индикатором особого статуса умершего»⁴². Об особом положении при жизни

³⁷ Социально-экономические отношения. М., 1986, с. 200.

³⁸ F. Hole. Symbols of Religions and Social Organization of Susa. — T. Young etc. The Hilly Flanks and beyond. Essays on the Prehistory of South-Western Asia: Presented to R. Braidwood. Chicago. 1983.

³⁹ В. А. Алексин. Социальная структура..., с. 55.

⁴⁰ J. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, 1966. — Anatolian Studies. Vol. 16, p. 181.

⁴¹ J. Mellaart. Çatal Hüyük. Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

⁴² В. А. Алексин. Погребальный обряд как археологический источник — Краткие сообщения института археологии. Вып. 167, 1981, с. 6.

похороненных здесь лиц, помимо символов власти, говорят также максимальные, по сравнению с остальными могилами, наборы погребальных атрибутов (до 4 типов вещей) и наличие (в одном из них) охры, выделяющие эти погребения из 85 остальных.

Наличие отличительных знаков в отдельных захоронениях кавказско-переднеазиатского мира, при полном отсутствии каких-либо показателей материального неравенства в синхронных местах обитания, подтверждает положение этнографов о том, что социальное расслоение опережает имущественное⁴³, и что богатство является следствием знатности, а не его причиной⁴⁴.

Вопрос о половозрастном разделении труда у населения Кавказа в исследуемый период затруднен отсутствием антропологических определений. Оно безусловно было, что можно заключить по древним погребениям других регионов. Погребения неолитической Европы, Передней и Средней Азии указывают на сферу женского и мужского труда: женщин обычно сопровождали иглы, шилья, вязальные крючки, пряслица, зернотерки, статуэтки, посуда и др., мужчин — наперстки булавы, ядра от пращи, ножи, кинжалы, наконечники стрел и др. Эти же предметы характеризуют присутствие мужчин и женщин в домах отдельных семей; последнее прослеживается и по кавказским поселениям. Мы можем лишь предполагать, что погребения с булавами в могильнике Кюльтепе были женскими, а с булавой и обсидианными ножами — мужскими.

Не до конца остается ясным вопрос о том, на чьи плечи ложилась перекопка посевных площадей. Преобладание мотыг (75%) в мужских погребениях неолитической Европы⁴⁵ говорит о том, что это было мужским занятием. Вместе с тем находки мотыжек в погребениях женщин Чатал Гюкка свидетельствуют об обратном. Последнее подтверждают примеры из жизни островных мотыжных земледельцев⁴⁶. Связь женщины с земледелием документируют также этнографические данные Сванетии. Здесь вспашка, сев, косовица, обмолот, выпечка хлеба в основном были занятиями женщин; это символизирует обычай давать женщине в приданое серп⁴⁷. Вместе с тем, полифункциональность костяных мотыг, прослеженная на орудиях кавказского поселения Арухло⁴⁸ позволяет предположить, что различные по степени трудности земляные работы выполнялись представителями обоих полов.

Экологическое разнообразие Кавказа стимулировало специализацию общин на том или ином виде производства; а это в свою очередь стимулировало межобщинный обмен. Главным предметом обмена в этот период был кавказский обсидиан, спрос на который существовал в широком ареале южных культур⁴⁹. Специальный интерес в этой проблеме представляют комки глины с оттисками печатей из поселений

⁴³ Л. В. Данилова. Указ. соч., с. 51.

⁴⁴ Н. А. Бутинов. Первобытный строй. — ПИДО. Кн. I, 1968, с. 147; Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы экономической антропологии. — Этнологические исследования за рубежом. М., 1973, с. 44.

⁴⁵ С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 85.

⁴⁶ Ю. П. Аверкиев. Указ. соч., с. 205.

⁴⁷ Ш. Г. Чартогани. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси, 1989, с. 215.

⁴⁸ Г. Ф. Коробкова. Древнейшие землекопные орудия из Арухло I. — Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 7, 1979.

⁴⁹ К. Х. Кушнарева. Торговля и обмен в Закавказье в древности. — Краткие сообщения института археологии. Вып. 138, 1973.

Арухло и Геойтеле—очевидно, знаки общинной собственности, которыми могли опечатываться крышки сосудов или тюки с товаром, скорее всего предназначавшиеся для обмена. В условиях, когда лошади и осел еще не были одомашнены, возможности пешего хождения на дальние расстояния наталкивались на большие трудности и должны были лимитировать масштабы обмена. Отголоски таких явлений запечатлены в сложившихся в течение многих поколений «песнях обмена» у австралийцев. Таким обменом занималась мужская часть населения.

Таким образом, археологические и этнографические примеры показывают, что сферой женского труда были некоторые земледельческие работы, ткачество, вязание, изготовление посуды, одежды, приготовление пищи, ведение дома, выполнение религиозных обрядов, мужского—перекопка трудных участков, рытье оросительных каналов, охота, домостроительство, скотоводство, межобщинный обмен и др. Женщина—хозяйка дома была наиболее почитаема в среде ранних земледельцев, что подтверждается находками исключительно женских статуэток на поселениях VI—IV тыс. до н. э. Кавказа.

При всей условности палеоэкономических расчетов различных видов трудовой деятельности такая возможность все же была использована. Было подсчитано, что в Шулаверском оазисе, где проживало около 1200 человек, земледельческие участки занимали площадь 260 га⁵⁰. Известно, что в современном Ираке, в условиях экстенсивного земледелия, для обработки 6 га земли требуется около 250 человеко/дней. Если сделать поправку на менее совершенные древние орудия труда (как это предполагалось для общества с аналогичным аппаратом уровня⁵¹ и увеличить последнюю цифру втрое, то учитывая приблизительно посевную площадь земли в Шулаверском оазисе, на ее обработку ежегодно требовалось примерно 10 000 человеко/дней. Исходя из цикличности земледельческих работ, на которые тратилось приблизительно 3—4 месяца в году, в течение этого времени ежедневно должно было быть занято 10% населения, т. е. примерно 120 человек. Выделение такого количества людей для обеспечения важнейшей экономической функции хозяйства было вполне по силам шулаверским общинам.

Каналы, выявленные около поселений Арухло I—III, по своим габаритам приближались к древним ирригационным сооружениям Средней Азии—обе системы отражают фазу простейших оросительных устройств⁵². Точный учет количества труда, необходимого для сооружения арухлинских каналов, невозможен вследствие их слабой изученности. Вместе с тем, если исходить из близости расположения поселений к реке и габаритов каналов близких к геоксюрским (сечение основного геоксюрского канала 2,5 кв. м, арухлинского—2 кв. м), то обеспечение землекопами этих работ для арухлинцев не составляло трудности.

В противовес коллективным работам по обработке земли, уходу за скотом, сооружению жилищ, ирригационных каналов и др. домашние производства носили децентрализованный характер. «Домашней

⁵⁰ О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Указ. соч.

⁵¹ R. M. S. Adams. The Evolution of Society. Chicago, 1966, p. 42; В. М. Массон. Метод палеоэкономического анализа в археологии.—Краткие сообщения института археологии. Вып. 127, с. 6.

⁵² Г. Н. Лисицына. Основные этапы орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнего Востока.—Материалы и исследования по археологии СССР, № 128, с. 82.

промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»⁵³. На раннеземледельческих поселениях Кавказа почти в каждом доме изготавливались орудия труда из камня, кости, дерева, обрабатывались шкуры животных⁵⁴. Это документируется расположением находок и сырьевых отходов в жилищах. В домах, на очагах кострового типа мог совершаться примитивный обжиг посуды, изготовление которой, судя по данным этнографии, осуществлялось руками женщин⁵⁵. Женским трудом обеспечивались также такие утратившие свои следы домашние производства как ткачество, шитье одежды, плетение, вязание. Вместе с тем, находки в домах ножей для обработки туш и шкур животных, а также отходов производства каменных и костяных орудий указывают на занятия мужской части населения.

Духовное единство семейных общин на археологическом материале улавливается слабо. Среди остатков строений на поселениях выделяется здание № 9-10 Имириспора; его необычная форма, центральный очаг с заложенными в него пшеничными зернами, плоский подиум заднего помещения дали основание трактовать помещение как культовое⁵⁶. На более крупных поселениях, где обитала не одна семейная община, святилищ обычно было несколько. В Чатал Гуюке, например, в среднем на 3 семейных дома приходилось одно святилище⁵⁷. Десятки этнографических примеров показывают, что семейные общины и патронимии имели свои собственные места отправления культов.

Итак, основной ячейкой кавказского общества в V—IV тыс. являлась экономически не дифференцированная семейная община или большая семья, возглавляемая старейшинами, советом старейшин или подобным органом самоуправления. Вероятно, общины объединялись в более крупные социальные подразделения—племена; в таком случае можно предположить, что племена объединяли общины, заселявшие отдельные оазисы, а в условиях гор—ущелья. Земля и скот находились в коллективном пользовании, распределение было семейным. Отдельные семьи занимались домашними производствами. К концу периода намечается специализация семей на том или ином виде производства. Этот процесс, в дальнейшем повлекший за собой становление общинного ремесла, находился на начальной стадии развития (ранняя форма общинного ремесла).

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

⁵⁴ Г. Ф. Коробкова. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л., 1987.

⁵⁵ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии.—Труды института этнографии. Вып. 12, 1959 и др.

⁵⁶ А. И. Джавахишвили. Указ. соч., с. 65.

⁵⁷ J. Mellaart. Çatal Hüyük..., p. 70—84.